

Всенародная любовь и... горечь одиночества

Сов. культура. - 1990. - 27 янв. - с. 16

Говорят, судьба художника — это судьба его творений. Значит, Исаак Осипович Дунаевский — человек счастливейшей судьбы. Уже более трех десятилетий его нет среди нас, но он остается нашим современником, потому что звучат его произведения.

Его жизнь далеко не безоблачна — композитор, окруженный огромным вниманием и любовью народа, оказывался часто «непонятым» или «непринятым» в среде собратьев по перу, страдал от горького одиночества.

Все это и побудило, отмечая 90-летие со дня рождения композитора, обратиться к фрагментам из его устных высказываний и писем (в большинстве своем неопубликованным), которые приоткрывают эту малоизвестную сторону биографии художника.

«Я об этом почти всегда говорил на совещаниях композиторов. У нас нет единства! Даже у группы композиторов, обижающихся на одного и того же оратора. Единственное, что их объединяет, это обида, а не общность принципов...

Пока будет такое положение, пока в нашей среде не будет настоящего достойного отношения друг к другу, пока не будет настоящей подлинной дружбы, дружелюбия, ничего у нас не выйдет. Я хочу прийти со своим произведением и своему товарищу и прочитать в его глазах дружбу, а не блудливый огонек. Я хочу увидеть в товарище настоящую заинтересованность в моем произведении. И если оно хорошее, если оно имеет успех, то чтобы он был так же рад, как если бы это было его собственное произведение... Надо отметить все блудливое. Я хочу знать, что если я приду в коллектив и услышу жестокую критику... эта критика будет справедлива, тогда я ее приму».

Это фрагмент из выступления И. Дунаевского на общесоюзном собрании Союза композиторов СССР в августе 1943 года. Подобные же интонации и мотивы звучат в его письмах разных лет.

«...нет у меня ни близкого друга, ни такого творческого товарища, коллеги по профессии, который мог бы помочь мне во всем разобраться. В композиторских кругах царит разобщенность, недоброжелательство. Оценивают творчество от раза к разу, не обобщая путей товарища. В музыкальных руководящих кругах — сплошная дипломатия, оценка творчества по пословице «куда ветер дует», бюрократизм и холодное чиновничество. Все это происходит на фоне стойкой и огромной народной любви к моему творчеству, любви, которой я горжусь и, вместе с тем, которая заставляет думать, думать, прислушиваться к себе, ко всему, что вокруг меня, любви, которую терять не хочу, не могу, ибо она — моя сила... Вокруг ужасное недоброжелательство, зависть, вражда. Чем лучше ты пишешь, тем хуже для тебя... Представляют ли Вы себе, чтобы на стройке высотного здания один каменщик, раздосадованный тем, что его товарищ положил на 1.000 кирпичей больше в смену, подставляет ему ножку, и тот летит вниз головой со страшной высоты? Представляют ли Вы, что один тракторист поставит в мотор другому какой-нибудь кусок металла, чтобы вывести трактор из строя?

Такие вещи не только невозможны сейчас, но жестоко наказуемы по закону. А в искусстве это и возможно и не наказуемо».

Из письма И. Е. Серой, август 1951 г.

Композитор требователен к себе — это легко заметить. И он не просто упивается широчайшей популярностью своих произведений у массы слушателей, он «прислушивается к самому себе», к тому, что вокруг, он думает, ищет, ждет профессионального анализа написанного от коллег. И столь же требователен он к другим. Размышляя о миссии художника в жизни общества, он высказывает порой, может быть, несколько спорные мысли, но совершенно четко выявляющие его, Дунаевского, принципы.

«...Люди одержимые, страстные, темпераментные — они создавали историю, они руководили народами, политикой, культурой и т. д. Они быстро сгорали, но этот огонь был жертвенный. Миллионы спокойных, уравновешенных людей, очень честных, очень положительных — это именно та масса, которая создает практические результаты чьего-то гонения, чьего-то творческого взлета. Эта масса всегда нивелирована, хотя она и составляет основу человечества...».

Из письма Р. Н. Шакуна, сентябрь 1950 г.

Можно соглашаться и не соглашаться с его постановкой вопроса, с его оценками, но, несомненно, говоря о спокойном, «уравновешенном» искусстве, композитор сам «голосует» за одержимость в творчестве, присущую ему. И он ждет такой же одержимости, темпераментности в отношении к своим произведениям со стороны прессы, официальных лиц и учреждений, занимающихся пропагандой культуры, от членов творческой композиторской организации. Сколько же горьких слов человека, глубоко оскорбленного, обиженного невниманием, безразличием, находим мы в письмах.

«...Почему советская пресса ни одной строчкой не обмолвилась о моем 50-летии — юбилее композитора, который, как гласили приветствия, «является запевалой советского народа»? ...Что это такое? Кто ответит мне на это? Невоспитанность? Хамство? Сознательное и преднамеренное нежелание афишировать непомерно популярного художника? Плохая организаторская работа союза?.. Я глотаю эту обиду, как глотал обиды много раз за последние годы. Иногда хочется бросить все это к черту, уединиться, замолчать. Но я

всегда находил и теперь найду силы справиться с этой обидой».

Из письма Р. П. Рыськиной, февраль 1950 г.

«...Конечно, я в известной мере тщеславен, как каждый артист. Мне хочется ласки, похвалы. И тут я констатирую с огромной болью и изумлением, что вся моя деятельность покрыта крышкой полнейшего молчания. Гроби! Рецензии о моих концертах бывают в местных газетах и все... Вы не найдете в Москве ни одного экземпляра моих нот. Они раскуплены и... не переиздаются. Что это все обозначает, об этом только можно строить догадки. Есть ли здесь одна направляющая руна? Возможно, что и так, если сопоставлять факты. Возможно, что это является случайным совпадением действий нескольких «людей».

Из письма И. Е. Серой, январь 1953 г.

В завершение материала хотелось бы привести небольшую цитату из книги Леонида Осиповича Утесова «Спасибо, сердце!»:

«Очень часто меня спрашивают и, как ни странно, все больше люди искусства:

— Скажите, почему покончил жизнь самоубийством Дунаевский?

Кому надо было пустить этот злонамеренный слух?.. Правда проста и печальна. Быть может, если бы у Дунаевского в этот роковой день был в кармане нитроглицерин или хотя бы валидол, то, может быть, он и сегодня был бы среди нас.

Пусть люди узнают правду, узнают, что Дунаевский слишком любил жизнь, чтобы уйти из нее добровольно...»

Юрий БИРЮКОВ,
музыковед.

● Из архива Дунаевского.
И. О. Дунаевский с сыном Женей.